

Это была жестокая война, бойня, в которой героями становятся не солдаты, а лишь дети.

I

Это было неподалёку от небольшого городка, который назывался Счастье. Только это название не принесло удачи жителям.

Пленных везли в фургоне, вместе с трупами. Тела погибших накрыли тентом, но во время тяжёлой езды по ухабам размытых, проутюженных снарядами деревенских дорог тент в нескольких местах сполз, открыв устрашающую картину.

Молодой мужчина тридцати двух лет, попавший в бой первый раз, из которого он запомнил лишь дым, огонь и боль, жуткую боль в кисти, – ему оторвало три пальца, – держась за больную руку, прижимая её к груди, с ужасом в полумраке смотрел на кровавое лицо молодого парня лет двадцати. Череп погибшего солдата был вскрыт, как консервная банка неумелой рукой, – мозга внутри не было, лишь какие-то висящие на порезанной коже розово-красные

кусочки человеческой ткани, которая когда-то была мозгом. Глаза несчастного были широко открыты и отражали весь зловеший ужас кровавой бойни, которую мгновенно успел сохранить мозг, отражая этот миг в глубинах памяти. Сработал лишь рефлекс, уступая смерти, но не сохраняя её мертвенный запах. Его молодые, здоровые белые зубы были испачканы каплями всё ещё стекающей крови. Кто-то из победителей шутил над трупом, проклиная его, окутывая бранью и позором.

Степан с ужасом перевёл взгляд с трупа на пленных, своих боевых товарищей, которые ещё ночью были смелы, бодры и даже шутили. Теперь их лица нельзя было узнать: понурые, измотанные, смертельно утомлённые, с ожогами на всём теле, искалеченные, как и он, глаза перепуганные, уже почувствовавшие зловеший ужас, вселившийся в их сознание,

сковавший их волю и сжимающий их сердца.

После этой долгой молчаливой попытки машина, наконец, остановилась. Послышались бойкие голоса, закрипел засов, и отворилась дверь фургона, яркий белый свет резанул по глазам.

– Быстро, быстро вылазьте! – требовательно кричал голос. – Все, суки, выполняйте, приехали!

Степан слышал ещё голоса, украшенные отборной бранью победителей и подогретые лютой ненавистью.

Всё зашевелилось, закрутилось, кто-то толкнул его в бедро. Больная нога, вывихнутая в области стопы, взвыла, но он промолчал, издав лишь тихий стон, утонувший внутри него. Сейчас страх управлял им, страх оказаться на месте того несчастного деревенского парня, которому едва исполнилось двадцать лет, который, вероятно, не испытал первой любви, не гладил по головке своего новорожденного ребёнка, которому уже никогда не пройти свою жизнь до старости, ибо она внезапно оборвалась в самом соку, в начале взросления.

Когда Степану, всё ещё прижимавшему к груди раненую руку, удалось выбраться наружу, он вдруг почувствовал под ногой что-то мягкое, податливое, вязкое, словно снег или желе. Опустив голову и приподняв ногу, он некоторое время рассматривал раздавленный его ботинком какой-то розовый, с волнистыми бугорками предмет, напоминавший мякоть белого хлеба, окрашенного розовым оттенком, выпавшего, вероятно, из фургона. Лишь когда его кто-то толкнул в спину, пытаясь вылезти из машины вслед за ним, он с ужасом догадался, что эта

часть человеческой ткани когда-то называлась мозгом, а теперь втоптана в землю.

Они рысью, кто хромая, издавая стоны, подгоняемые задорным свистом, прикладами и матом, проследовали к какому-то пятиэтажному дому, где их остановила группа вооружённых людей. Молодой, красивый парень лет двадцати пяти – тридцати остановил колонну из восьми пленных жестом руки. Его блестящие смелые глаза, властный взгляд и повелительный голос выдавали в нём командира, хозяина, от которого зависело всё, в том числе и жизни пленных.

Кто-то из пленных не мог устоять на раненой, изливавшейся кровью ноге и тихонько облокотился спиной о ствол дерева. Острый орлиный взгляд командира это мгновенно заметил.

– Тварь! Встать на ноги! – закричал он и, подбежав к пленному, со всей мочи ударил его ногой по бедру, отчего тот взвыл, упал, но потом, чувствуя, свою скорую смерть, если он тут же не встанет, поднялся и присоединился к остальным пленным, выстроенным в шеренгу.

Хмурое утро пахло землёй, сыростью и дымом. За городом, где начиналась роща, а за ней поля, низко разлился серый туман, подползавший к разбитому от артобстрела городу. Стены уцелевших зданий были выщерблены, изуродованы многочисленными осколками и пулями.

Пленные с опущенными головами, напоминали группу безвольных овец, которых вели на бойню. Молодой человек с орлиным взором, горящими глазами, с соколиным красивым носом, с чёрной копной кучерявых волос медленно

прохаживался вдоль выстроенной шеренги пленных, казавшихся какими-то убогими, помятыми, податливыми и напуганными. Весь его подвижный темперамент впился глазами в Степана, слегка опустившегося на ногах – от жуткой ноющей боли в голеностопе, он стоял на одной ноге, да и ту согнул, отчего она дрожала, про боль в онемевших пальцах он уже забыл, – страх, видимо, притупил её.

– Что, б..дь, согнулся! – заорал молодой командир.

Он мигом подскочил к Степану, вцепился в его челюсть правой рукой и сильно сжал её. Но Степан и этого не почувствовал, потому что теперь страх сковал всё его тело. Держа Степана за нижнюю челюсть, командир побеждённых выпрямил его.

– Стоять смирно, когда с вами разговаривает Арсен! – властно потребовал молодой человек.

Только теперь Степан, родившийся в селе, выросший и живший там всю свою тридцатилетнюю жизнь, ни разу не побывавший не только в других странах, но и в крупных городах Украины, увидел отличительную нашивку, погоны того, кто его допрашивал.

– Стоять, не двигаться, падло! – Видя, что пленный подчинился, Арсен обратился ко всем восьмерым пленным:

– Итак, я в последний раз спрашиваю. Все меня узнали? Я Арсен!

Кто-то из пленных тихо сказал, что узнал его, кто-то покачал головой в знак согласия, кто-то промолчал.

– Все узнали меня, суки?! – продолжал молодой человек. Было видно, что молодому человеку льстило, что его узнали, на его строгом, полном ненависти и презрения лице засияла улыбка.

– Узнали, твари, – самодовольно сказал он.

Арсен подошёл к одному из пленных, вынул длинный нож, висевший у него на кожаном поясе, и стал срезать нашивку у пленного. Нашивкой была небольшая жёлто-голубая бирка. Оторвав, отрезав её от гимнастёрки, он строго приказал голосом, не терпящим возражения:

– Открой, сука, рот!

Пленный подчинился. Молодой человек всунул ему в рот бирку.

– Жри, сука, тварь!

Потом он проделал то же самое с другими пленными. И тут его ненависть и злоба наткнулись на мужчину лет сорока пяти, плотного телосложения, с твёрдым взглядом, как будто ещё не покорённого, не сдавшегося. Смелость в его глазах удивила и возбудила в Арсене животный интерес.

– Кто по званию?

Нашивок у пленного великана не было. Он молчал. Тогда Арсен вынул пистолет и со всей лютой злостью, размахнувшись, ударил пленного в лицо, отчего тот отлетел на шаг в сторону, но потом поднялся и встал в строй. Мужчина сперва увидел искры, потом темноту в левом глазу, затем почувствовал короткую боль, после которой вся сторона онемела.

Молодой человек взял у кого-то из подчинённых, которые стояли полукругом, длинный меч в ножнах. Вынул его блестящее серебряным лезвие и подвёл остриё к шее пленного. Слегка поводит у вздувшейся вены, потом опустил меч, трогая осторожно ногтём его заострённую сторону так, чтобы пленный видел это.

– Кто по званию, последний раз...

– Майор, – тихо ответил пленный гигант.

– Ах, майор?! – с удивлением сказал молодой человек, с ехидной улыбкой оглядываясь на своих ребят, стоящих позади него полукругом в ожидании его решения. – А я кто, знаешь?

– Да, ты майор ДНР, с позывным «Арсен».

– Верно, – он вновь обернулся к своим ребятам, улыбаясь, что мог разговорить молчуна. – Что, падло, ты тут делаешь? Зачем, тварь, ты припёрся сюда?

Арсен вынул свой паспорт и показал пленному.

– Вот, гнида, гляди, гляди в оба глаза, пока они у тебя есть. Я житель Донецка, и я охраняю жителей от такой мрази, как ты. Сколько по твоему приказу погибло мирных жителей, мразь? Стрелял?! Отвечай!

Он замахнулся, чтобы ускорить ответ, мужчина закрыл левый глаз в ожидании повторного удара.

– Да... мне... приказали... – неуверенно, сказал пленный.

– Приказали?! А голова где? Ты же знал, что здесь люди, мирное население: старики, женщины и дети.

– Да в расход их! – крикнул кто-то позади Арсена.

– Это не люди, – слышался другой голос.

– Откуда ты? – спросил строго Арсен, буравя его своим острым взглядом.

– Из Житомира, – ответил пленный, склонив голову.

– В глаза, в глаза, тварь, гляди! – закричал молодой командир, схватив пленного за горло. – Я поеду к Житомиру и буду убивать, и ты узнаешь, что такое ад, сука! – закричал он в ярости, его лицо побогрело.

Мужчина смутился, и вновь его голова повисла.

– В глаза, гнида, смотри!

На этот раз пленный сразу повинился, тут же подняв голову.

– Майор, сколько тебе платят?

– Восемь тысяч гривен, – тихо ответил майор.

– Что?! – спросил Арсен, словно не расслышав. – А сколько шахтёр на Донбассе получает, ты знаешь, сволочь?..

Наступила минутная пауза. Арсен прохаживался вдоль шеренги пленных, как тигр перед охотой, казалось, что он размышлял об участии пленных. Каждый его шаг, раздражённый взгляд в сторону пленных вселял в них страх за свою жизнь. Именно от его решения, от решения этого импульсивного молодого человека, которому ещё не исполнилось и тридцати лет, зависела жизнь восьмерых мужчин.

Внезапно он остановился напротив Степана, который к тому времени стал чувствовать жгучую боль в правой кисти, где на обрубках трёх пальцев закипела кровь. Он по-прежнему прижимал раненую руку к груди, словно не хотел с ней расставаться.

Полузвериный, полусумасшедший взгляд Арсена впился в искривлённое лицо Степана, у которого ныла нога, и поэтому он слегка то сгибал её, то выпрямлял.

– Что ты мнёшься?!

– Нога болит, – признался Степан.

– Как зовут?

– Степан Егоров, рядовой.

– Что делаешь здесь?!

– Привезли... ночью... – сбивчиво отвечал Степан, от страха всё похолодело, пальцев он уже не чувствовал.

– Дальше! – сказал Арсен, положив меч на плечо.

Они стояли друг напротив друга, лицом к лицу: раненый, измождённый болью и страхом, сжавшийся, сутулый, дрожащий, и смелый, гордый, сильный, расставивший ноги, твёрдо стоящий, с мечом на плече, не сводивший с пленного ястребиный взор.

– Говори, я слушаю, – немного смягчившись после майора, сказал Арсений.

– Сказали... что раненых... отвезти... забрать надо.

– Раненых?

– Да, но потом... оказалось, что никаких раненых там нет... – дрожащим, подавленным голосом сказал Степан. – Лишь убитые. И... нас... нам приказали...

– Что, что приказали? Не бубни. Говори, чтобы все слышали.

– Приказали идти... в атаку, – завершил свой рассказ Степан.

– То есть они вас бросили, ваше руководство кинуло вас. Что вы искали здесь? Что вам надо от нас? – два вопроса он задал всем восьмерым.

Все молчали, опустив головы. В этой минутной тишине было слышно, как падали тела погибших, которых двое солдат вываливали из фургона в кучу. Обезображенные тела напоминали какого-то зловещего монстра, которого порубили мечами на части. Это были молодые ребята, нашедшие на своей же родной земле, лютую смерть, которая неожиданно стала финалом их короткой жизни.

Арсен посоветовался с каким-то бородачом невысокого роста, потом его затуманенный раздумьями взор быстро прояснился.

– Ладно, грузи их обратно, – скомандовал он своим подчиненным.

– Куда их? – спросил шофёр.

– На площадь, в центр. Пусть

люди их судят. Те самые женщины и старики, по которым вы стреляли, – сказал он пленным, подталкивая их в фургон.

На площади, где столпились уцелевшие жители – женщины и старики, пленных прогнали по кругу, по кругу позора, сопровождая их словами ненависти и острыми взглядами презрения. Солдаты охраняли пленных от самосуда. Женщины истерически кричали, истошно плакали, старики с отвращением и ненавистью смотрели на пленных, хромящих по кругу, томно шедших с виноватым взглядом, с опущенными головами, лишь изредка оглядываясь и тут же пряча голову, защищая её руками от ударов не удержавшихся стариков, не справившихся с чувствами женщин, накинувшихся со слезами на пленных.

Истеричные крики женщин врезались в сжавшиеся сердца пленных, причиняя им боль в сто раз большую, нежели физическая.

– Твари! Нелюди! Убийцы! – слышалось повсюду.

Трём женщинам и старику удалось пробиться сквозь жидкий коридор конвоя, и они мёртвой хваткой вцепились в тело пленного майора. От сыплющихся со всех сторон ударов он упал на колени, повалился набок, его стали пинать ногами. Но быстро всё прекратилось, – вмешалась охрана. Майора, которого жителям удалось не только поколотить, но и оттащить от колонны пленных на пару метров, с трудом отняли у напавших и втиснули в небольшой автомобиль, стоявший позади фургона, куда посадили пленных.

Ещё долго, до самой ночи в голове у Степана слышался вой и плач матерей, виделись презрительные взгляды, полные слёз, и

слова, разрывающие душу, выворачивая её наизнанку: «За что вы нас убиваете?!» А также тихие слова

майора, прячущего своё лицо и голову от ударов женщин: «Мне нечего сказать».

II

Спал Степан плохо, он уже знал, что его обменяют, освободят, что его жизни ничто не угрожает, но от волнений, от боли, от воспоминаний произошедшего, от того, что был на краю гибели, он ворочался на полу какой-то тёмной комнаты, куда привезли поздним вечером всех восьмерых пленных. Руку его перевязали, сделали укол от боли, для ноги ничего не сделали, сказали, что дома врач осмотрит. Сообщили, что наше командование согласилось на обмен пленными и что мы все через пару дней будем на своей стороне.

В его голову, сквозь боль и стоны товарищей, лежавших рядом, робко просачивались давние воспоминания, согревающие душу. Степан собирал в памяти картины прошлых счастливых лет, когда жил в родном селе Никишино, где он играл с семилетним сынишкой, Витенькой, имевшим черты обоих родителей. Как они оба поехали на железнодорожную станцию, большую, чем их родная деревня с полусотней домов, как он купил для малыша конструктор – заветную мечту сынишки, как они оба с интересом соединяли части разноцветного конструктора в единое целое, напомилавшее военного робота, изучая схему строения, а потом по другой схеме сделали машину зелёного маскировочного цвета. Вспомнил Степан и четырёхлетнюю доченьку, Машеньку, которой перед отъездом в армию подарил на день рождения резинового пупса с соской во рту, в розовом платьице и тремя платьями для смены. Доченька была выли-

тая мать, – которой было тридцать лет, – курчавые рыжие волосы, большие зелёные глаза, стройная фигурка, крепкие крестьянские, милые ножки, гибкая стать. Вспомнил он ещё веснушки, когда впервые танцевал со своей Наташей на свадьбе. Отдельное воспоминание промелькнуло в его голове и какой-то жгучей радостью разожглось в груди, когда он увидел, как его Наташа нежно прижимает к своей открытой, набухшей от молока груди маленький сопящий комочек, жадно впившийся в её розовый сосок. «Смотри, малыш, эта левая соска плачет и обиделась, что ты её не взял», – сказала Наташа, осторожно прижимая малыша к правой груди, где он жадно пил молоко. И действительно, Степан тогда заметил, как из левого набухшего розового соска каплями вытекало молоко.

В трясущемся поезде, где они ехали, возвращаясь на свою сторону, он не спал. Храп, стоны, солдатский пот прочно впились в уши, ноздри, а кровавые картины войны надолго пропитали его сознание, оставляя там вонючий гнилой запах смерти, от которой ему чудом удалось ускользнуть, в отличие от пятидесяти ребят, которые до сих пор остались лежать на поле боя, гния на ветру, разлагаясь на чернозёме, вспаханном взрывами снарядов и пуль. Лишь с рассветом он пришёл в себя, глядя на цветущие улицы, дома, парки, где свободно, не прогибаясь, не прячась от ужаса, ходили, ездили люди.

На вокзале, куда они восьмером приехали, их встретила

небольшая группа людей, где были военные и гражданские: начальство, командиры, чиновники и простые люди, пришедшие посмотреть на освобожденных из плена, вернувшихся с другой стороны воинов.

От долгого пути и бессонницы у него загудела голова, мысли путались. Встретил он военное начальство безрадостно, его сердце хранило какую-то скрытую тревогу, хоть внешне он старался улыбаться, но это была натянутая улыбка. Все вокруг него радовались освобождению: семьи, начальство, чиновники. Появились цветы, улыбки, счастливые лица, ведь весь ужас позади.

Полковник, а потом какой-то политик долго выступали, называя освобождённых героями, патриотами страны. После того как полковник нацепил Степану на грудь медаль, он даже начал верить всем сказанным на перроне словам. «Он герой! Он патриот!» Эти хвалебные выражения и высокие слова, сказанные так искренно каким-то политиком, тронули его, он почувствовал в себе какие-то потаённые, не известные ему до этого силы. Ах, если бы всё это было сказано раньше, там, в плену, на той площади, в окружении тех плачущих жён, матерей, стариков, на том позорном кругу, где он, склоняя голову и пряча глаза от позора, от того, что ему нечего было сказать, плёлся, едва поднимая ноги. Тогда ему, может, и не было так тяжело на сердце, когда оно плакало вместе с теми женщинами.

Находясь месяц в госпитале, в Киеве, он ещё не раз вспоминал тот плен, те слова проклятий, которые сыпались на головы пленных; но и хвалебные слова полковника и политика не покидали

его сознания. Все перемешалось в его голове. Так кто же он есть: герой или убийца, защитник своей родины и её граждан или ублюдок и тварь, которая безжалостно убивала мирное население на востоке страны, взбунтовавшееся против новой власти, пришедшей путём переворота? Кто же он? Там и здесь давали точный и неизменный ответ. Но он все же колебался, что-то внутри него не давало покоя. Как гражданин, которого призвали защищать родной край, он выполнял свой долг и все приказы своих командиров, которые, в свою очередь, тоже подчинялись начальству и тоже были защитниками; но и как человек, у которого, помимо обязанностей, долга, был ещё и свой собственный мир, в который входит: совесть, любовь к семье, к детям, к своей родне, к родному селу, где он вырос, жил, любил, работал в поле.

Он не мог понять, как эти два слова – герой и убийца – могли сочетаться в нём. Он прекрасно понимал значение каждого из них. Но он также осознавал, что и другие люди, окружающие его, тоже знают их смысл. Всю свою тридцатидвухлетнюю жизнь крестьянина он жил в мире и любви, в домашних заботах и тяжком труде, почему же теперь он вдруг изменился? Кто отобрал у него его мир и влил в него ненависть к каким-то людям, живущим на востоке, которых он даже не знал, которым приписали какое-то непонятное ему имя «сепаратисты»?

Разрешить эти вопросы, которых изо дня в день у него становилось больше, чем ответов, не смогли и в госпитале, где он общался с ранеными, многие из которых по своему решению хотели вернуться на линию огня, чтобы прогнать

сепаратистов и освободить страну от врага. Некоторые бойцы, лёжа на койках с перебинтованными конечностями, так горячо говорили о своём желании, что он начал забывать о плене, о тех истеричных криках женщин. Эта чужая ненависть и патриотизм, который горел в их глазах, постепенно вытесняли в нём его собственный мир, который в одиночку противостоял внутри него, отступая всё глубже, сжимаясь в точку, уступая место героизму и патриотизму. Боль, которую он обжигающим эхом почувствовал внутри груди, когда услышал рыдания женщин города Счастье, потихоньку уступила, приглушилась, её замуровали за толстой могильной, бронированной стеной патриотизма. И теперь он, спустя месяц с небольшим, чувствуя себя защитником, героем, возвращался домой. Его списали, уволили из армии, ведь у него не было главного – трёх необходимых пальцев правой руки, способных производить огонь, нажимая на курок автомата.

С медалью на груди, с сумкой в левой руке, он шёл по узкой деревенской тропе в родное село Никишино, где его ждали родственники, любимая жена и дети: Витя и Машенька. Теперь всё позади, теперь, думал он, вернётся к своей любимой работе и мирной жизни, где время течёт размеренно, где находится его частичка счастья, его мир. Он сохранил главное – свою жизнь, в которой так нуждается его семья. В груди он чувствовал трепетное биение сердца и ту сладостную тёплую энергию, которая разливалась в его теле, согревая, успокаивая и делая его счастливым. Ещё несколько километров, и он увидится со своей семьёй.

Уже на подступах к селу, когда

из-за зелёного холма, куда тянулась тропа, показались верхушки крыш, блестящие на солнце, он вдруг почувствовал какое-то неясное волнение, какую-то скрытую тревогу, которая пробудила в нём страх. Он невольно ускорил шаг, его сердце вновь забилося. От полей шёл ему знакомый запах степи, но золотых колосьев, к которым он привык в эту пору, он не увидел. Вместе с летними цветущими запахами трав и деревьев, он вдруг почувствовал какой-то горьковатый привкус чего-то горелого. Тревога Степана усилилась, когда он втянул в себя уже знакомый ему запах гари и сгоревшего пороха. Но никаких сражений, звуков выстрелов, огня он не слышал и не видел. Деревня, как и раньше, когда он её покидал, утопала в пышной зелени. Запах сена и навоза по-прежнему наполнял собой окрестности деревни. Это дыхание родного села немного успокоило сознание Степана, но не удерживало и не замедлило тревогу в сердце. Оно почувствовало беду.

Когда он мог различать детали домов, оград и дворов, которые знал наизусть, он понял, что не узнаёт их. Они как будто на месте, но внешний вид был каким-то уродливым. Он вновь ускорил шаг и даже перешёл на бег. Но потом его нога вновь взвыла, очевидно, ушиб ещё не зажил. Он остановился в двухстах метрах от села и обомлел. Ничего не было на прежнем месте. В стенах виднелись огромные дыры, крыши повалились, ограды изуродованы, словно по селу прошёлся страшный ураган, или прошло землетрясение.

Теперь он шёл медленно, осторожно. Единственная дорога, которая проходила посередине села, деля его на две части, была крайне

не узнаваема, как будто кто-то взрыхлил её неумело. Повсюду виднелись воронки, стены домов и ворота были испещрены мелкими дырочками, очевидно, оставшимися после обстрела. Сердце сжалось ещё больше, страх сковал его. Но на этот раз он боялся не за свою жизнь. Как слева, так и справа от изуродованной дороги не было ни единого уцелевшего дома, одни развалины.

Деревню стёрли с лица земли. Кто же мог такое сделать? Когда он уходил, здесь было всё мирно и сражения были далеки от села.

Вдруг он увидел в ста метрах, у изломанного дерева вишни, покосившегося на ограду, в которой он признал собственный деревянный забор, какого-то старого мужчину, присевшего на землю. В этом седовласом старике он узнал почтальона. Степан подошёл к поломанной ограде и не узнал собственный двор и дом, от которого остались лишь две полуразрушенные стены, деревянная оконная рама всё ещё держалась, но стёкол в ней не было.

Так, молча, не шелохнувшись, в ужасе стоял он некоторое мгновение, не веря своим глазам. Старик сидел впереди, спиной к нему, у синего металлического почтового ящика, который когда-то висел, прикреплённый к бетонному столбу, а теперь валялся у самого забора.

– Где они?.. Что случилось? – едва произнёс Степан, испытывая тревогу, страх и какой-то ком, сжимающий ему горло.

Старик обернулся, поморщился от солнца, ослепившего его, потом оставил ящик, поднялся и стал всматриваться в молодого человека.

– Стёпа? – старческим дрожащим голосом произнёс почтальон.

– Что здесь произошло? – повторил вопрос Степан.

– Война, Степан. Здесь была война. Снаряды летали над нашими головами с одной и с другой стороны, как метеоры.

– Как это? – всё ещё не веря, с искажённым от ужаса лицом спросил Степан. – Здесь же ничего не было... какая война? Ты что, старик?

– Это началось где-то с месяца после твоего отъезда, – ответил старик, присаживаясь на землю и растирая ноги, которые, по-видимому, болели от старости.

– Там были одни, а там другие, – продолжил старик, указывая рукой куда-то.

– Кто?

– Я их не различал. Все они говорили на нашем языке, кто на русском, кто на украинском. И все воевали на нашей стороне, только вот воевали почему-то друг с другом.

– Я не понимаю тебя?.. А где моя семья? Где жители? – с болью и тревогой в сердце и с ужасом на лице спросил Степан.

– Не знаю, Стёпа. Честное слово, не знаю. Я был здесь у кума, когда всё началось. Стреляли со всех сторон. Мне чудом удалось уйти в своё село, но и там я был в постоянном страхе. Я слышал днём и ночью, как здесь всё пылало, как светилось небо, словно днём, а потом всё неожиданно гасло. Теперь всё успокоилось. Наши солдаты потеснили, очевидно, тех, и они ушли, отступили. Сюда никого не пускали. Потом здесь были сапёры, и вот... – он замолк, но вскоре продолжил, – я первый, кто вошёл сюда. Ведь мою работу почтальоном никто не отменял, но и не приказывали. Я сам решил так, привык выполнять обязанности.

Степан присел рядом со старым почтальоном. Его глаза рассеянно бегали по тому, что когда-то было его домом, двором, а теперь – сплошными руинами. Он не знал, где искать жену и детей, не знал, что с ними произошло. Беспокойство за них сжимало его грудь.

– Этого не может быть, – словно в каком-то забытии, произнёс он шёпотом.

– Военные сложили тела всех погибших и захоронили на кладбище. Кто спасся...

– Что?! – страшные слова почтальона пробудили его от оцепенения. – Трупы?..

– Я видел, как их везли, но захоронение не видел.

Старик взломал измятый и пробитый осколками металлический ящик и заглянул внутрь.

– Хм, я так и знал, что кто-то... – произнёс старик, вынимая из вскрытого почтового ящика какие-то бумаги.

Степан смотрел на старика, не понимая, что тот делает. Теперь он думал лишь о своей семье.

– Остальные были пусты, лишь здесь... – сказал старик, – но что это! Письма без конвертов и без адреса. Кому же они предназначались? – он сосчитал сложенные пополам листы. – Девять. Хотя постой, здесь... да, здесь есть даты и...

Старик, как будто разобрался в этих бумагах, он стал их разбирать, потом складывать в каком-то порядке. И вдруг он развернулся к

Степану и протянул стопку ему.

– Что это? – удивился Степан.

– Это тебе, очевидно.

Степан взял их и стал неосознанно, слабо понимая, что он делает, перелистывать, раскрывать листы. В них были какие-то каракули, написанные, вероятно, детской рукой, с добавлением к написанному рисунков, сделанных также детской рукой.

– Это ведь твой дом, – сказал старик.

Степан поднял свои замутнённые мыслями глаза и растерянно поглядел на старика.

– Витя?! – в ужасе произнёс Степан, не веря своим глазам и той безумной мысли, которая протиснулась в его воспалённое сознание.

– Ты же не думаешь, что их писала Маша, – ответил старик. – Это твой мальчик писал. Тебе писал. Адреса вот только не указал, мал еще для этого.

– С чего вы взяли это?

– Там вначале написано, по буквам, – пояснил старик, – «п а п е». Так быстро почту я ещё не доставлял.

Старик встал и нетвёрдой поступью пошёл по дороге, обратно, в свою деревню. А Степан, поражённый увиденным, с болью в сердце и страхом в голове, остался читать письма своего маленького семилетнего сынишки, желая узнать, что же здесь произошло, пока его не было.

III

Всё село – человек пятьдесят, пришло на похороны трёх человек – двоих взрослых и ребёнка, погибших во время очередного артобстрела. Жители уже перестали уточнять, с какой стороны стреляли, это уже не имело значения.

Снаряды пролетали над их головами, как метеоритный дождь, – неожиданно. И при каждом обстреле часть снарядов, пуль залетали в село, словно внезапные гости, унося с собой на тот свет тех, кого выбрали. На этот раз пострадали

двое мужчин, возвращавшихся с работы поздним вечером, и мальчик лет десяти, не успевший добраться к дому среди ясного дня.

Семилетний Витя шёл рядом с мамой – молодой красивой женщиной тридцати лет, которая несла на руках четырёхлетнюю Машу, прижавшуюся к её груди и с интересом поглядывающую своими большими карими глазками на похоронную процессию.

Люди шли молча, друг за другом по узенькой тропе, вьющейся среди цветущих деревьев и кустов, направляясь к кладбищу, расположенному в роще. Когда-то это кладбище хотели почистить от лишней растительности, но потом забросили, уступив права бурно растущей зелени, укрывшей могилы своими ветвями, пышными кустарниками и весенними цветами. Весной здесь всегда было свежо в тени деревьев и полно запахов распустившихся сочных почек, окутывающих благовономием цветения растущей жизни. Это было что-то вроде цветущей усыпальницы, семейного склепа жителей села, ушедших в иной мир, но оставивших о себе память близким.

В небольшом селе Никишино все друг друга знали, многие семьи имели родственные связи. Раз в году они собирались в каком-нибудь большом дворе, готовили на всех, ставили длинный стол и шумно отмечали годовщину. Старики передавали молодёжи те обрывки воспоминаний, событий, ставших легендами родного села, а молодёжь впитывала эти знания в свою память, чтобы передать их своим детям, добавляя что-то из своей жизни и приукрашивая рассказы цветками своей эпохи. Так складывалась история села

Никишино, и росла дружба между её жителями.

Вот и сегодня жители объединились. На этот раз в горе, чтобы похоронить трёх своих жителей. Машенька ещё не понимала, что происходит, не чувствовала людского горя, не ощущала боли утраты, но Витя находился в том возрасте, когда человек начинает всем интересоваться, расспрашивать, рассматривать в оба глаза и слушать в оба уха.

– Мам, мы будем хоронить гробики? – спросил Витя, держась за мамину юбку.

– Да, Витенька, – ответила мама, прижимая головку Машеньки к груди.

– А почему их надо в земле держать?

– Потому что мы живём на земле, она наша кормилица и наш хранитель.

– Мы их будем прятать, – решил Витя, – чтобы злые дяди, которые стреляют, не нашли их?

Мама посмотрела на Витю затуманенными глазами, где начала собираться влага.

– Там им будет спокойнее, – ответила она.

Мужчина и женщина лет сорока, одетые в чёрное, шли бок о бок. Муж поддерживал жену, а она что-то непрестанно слёзно говорила, надрывающимся голосом. Впереди них четверо мужчин несли маленький гробик, покрытый синим бархатным полотном, к которому было привязано несколько белых искусственных цветов, сделанных из какой-то материи и проволоки. Одной рукой женщина держала платок, прижимая его ко рту. Глаза вспухли от долгих рыданий. Вот и теперь они слезились, выпуская часть внутренней боли от горя.

– Они убили его... – говорила женщина, – деточка моя маленькая... сыночка моя...

Женщина так рыдала, что если бы встретился по дороге посторонний человек, то и он, услышав муки этой несчастной матери, утратившей сына, не смог бы удержать себя, чтобы не расплакаться. Жалобные стоны и душераздирающие слова этой женщины, еле стоявшей на ногах, проникали в каждое сердце, в каждый уголок сознания и там болью отражались долгим эхом непоправимого горя. Её материнское сердце обливало кровавыми слезами, а душа выла от нестерпимых страданий. Казалось, ещё миг, и её душа вылетит из её тела, чтобы объединиться с родненьким сыночком. Жизнь дана человеку для страдания, не страдают лишь мёртвые. Душа, заключённая в оболочку жизни, пребывает в своём заточении и, потеряв её, она приобретает свободу. Но бывает и наоборот, когда есть и жизнь и тело, а душа молчит, словно её и нет.

Когда мужчины опустили три гроба в ямы, чтобы родные могли проститься с мёртвыми в последний раз, начался обстрел.

Выстрелы гремели где-то вдалеке, но некоторые уже зловещим эхом приближались к деревне. Где-то слышались автоматные очереди, ужасающе застрочил крупнокалиберный пулемёт.

Мужчины засуетились. Было решено закапывать могилы и спешно расходиться по домам. Среди тревожных голосов и усердной, проворной работы мужчин, закапывающих могилы, вдруг истошно взвыл женский голос. Женщина в чёрном платье, отстранившись от удерживающих её слабое тело рук мужа, упала на колени

перед самой ямой. Она прижала руки к дрожащим губам и умоляюще закричала:

– Нет, не останавливайте меня, не трогайте... пустите... – муж, ощущающий внутри себя не меньшие муки, но сдерживающий боль внутри себя, не давая ей вылиться наружу, не поднимал жену с земли, а лишь нежно положил ей ладонь на спину, сжав от боли свои губы.

– Прости меня!.. Моя деточка... – истошно взвыла мать, убитая горем, – я тебя не уберегла!.. Прости меня...

Мужчины, видя, что женщина вот-вот упадёт в яму, подхватили её и, не слушая её мольбы, спешно стали закапывать яму под ужасающий грохот канонады.

Глаза несчастной матери, намертво впившейся руками в сырую землю, до последнего не сводили замутнённого влагой взгляда с синего гробика, уходящего в землю с каждым взмахом лопаты. Даже когда люди рассыпались по роще, выбегая в страхе с кладбища к своим домам, она всё ещё продолжала стоять на коленях, казалось, глубоко вросших в землю, напоминая собою могильный памятник. Руки она прижала к губам, пухлые пальцы были сложены в кулаки, губы дрожали, в глазах всё поплыло, а в голове оцепенело. Муж стоял позади, положив руки на её плечи, удерживая её тело от падения на могилу. Где-то неподалёку, в роще, рухнул снаряд, – сперва был устрашающий визг, потом страшный взрыв, с корнем вырвавший цветущее дерево, переломавший ему хребет и разбросавший его ветви в разные стороны. Мужчина вздрогнул, оглянулся в сторону взрыва, крепко прижимая жену к ногам, женщина же, которая совсем

недавно была матерью, не шелохнулась, таким же неподвижным, пристальным был её взгляд, направленный на маленький могильный холмик, под которым был навечно скрыт её сын.

Все три гроба во время похорон были плотно забиты гвоздями. Это было сделано потому, что внутри находились изломанные, изуродованные тела, смотреть на которые было выше человеческих сил. Восстановить, зашить несчастных не было у сельчан ни времени, ни возможностей, ни умений. Грады, нашедшие свои случайные жертвы, обезобразили тела так, что трудно было поверить, что это дело рук человеческих.

Жители села не хотели и не могли покинуть свои дела, родную землю. Огонь, не знающий поражений и пощады, нашёл их и запер в их же селе. Не прошло и недели, как все жители, спасаясь от смерти, научились прятаться в потаённых местах, научились выживать, – что было главным для них подвигом, ведь их сопротивление невидимому врагу, не имея никакого оружия, могло состоять лишь в спасении жизни.

Семья Егоровых, после того как отца, Степана, призвали в армию, состояла из трёх человек: мать, Наташа, и дети – Витя и Маша. По соседству жила их бабушка, Нина. Первым, что сделала шестидесятилетняя бабушка, – это принесла в дом Егоровых икону Николая Чудотворца, чтобы вся семья молилась святому. Поначалу молитвы были три раза в день, перед тем, как семья садилась за стол, перед тем, как маленького Витю отводили в школу. Это может показаться странным, что во время войны дети учились в школе. Сперва канонада

грохотала где-то далеко, но потом все сужалось, завязывалось, затягивалось вокруг источника жизни всё крепче и теснее. Поэтому жители, ничего не знавшие – кто воюет и с кем, продолжали работать, ходить в школу. Когда же первый снаряд упал в их оазис жизни, всё село проснулось, всё в нём зашевелилось, но было слишком поздно. Доверчивые люди оказались в запертой клетке. Да если и можно было покинуть родное село, отчий дом, то куда бы они ушли, без вещей, без денег, оставив домашний скот и двор, всё своё нажитое хозяйство неизвестно кому? Любовь, привязанность и бедность сыграли роковую роль в их судьбе. Потом, когда война причинит им жуткую боль, навечно оставив уродливые, кровавые картины в их памяти, они опомнятся: кто успеет – спасётся, голый, босой, но живой, кто же не успеет – о том будут помнить вечно. Но вечность безжалостна к людям, она оставляет лишь истинных героев, стирая напрочь всю фальшь, всё мелкое и ничтожное, уничтожая его в пыль, и неважно, насколько оно было велико при жизни и каким самомнением обладало. Ангелов, которым было суждено сгнить, раствориться в этом аду огня, не тронув жизни, бог уже пометил при их рождении, оставляя отметины на их чистых душах. Эти знаки или следы хорошо видны в вечности, и по ним можно найти путь к богу. Их нельзя стереть, их можно не заметить, но они существуют, как существует боль, нестерпимая боль.

Наташа учила своих деток прятаться, убегать в дом, под стену, дерево, ложиться на землю, закрыв голову руками. Маленького Витю уже не водили в школу из-за опасности попасть под обстрел. Дома с

ним училась мать, она читала ему, обучала грамоте, а младшая сестрёнка садилась рядом, усаживала напротив себя резинового пупса и учила его, повторяя все действия за мамой. Когда мама была занята по хозяйству или отправлялась к деду Григорию, которому было семьдесят два года, чтобы взять у него несколько тёплых, свежесвыпеченных в собственной печи лепёшек, дети оставались одни с бабушкой Ниной.

При последнем обстреле один снаряд разорвался на земляной дороге, близко от двора Егоровых, и один из осколков долетел до дома, с треском врезался в окно, разбив его вдребезги. Нового стекла не было, и мать закрыла окно шторой, прибав ткань гвоздями к раме. Из-за этого в комнате стало темно днём.

Во дворе, возле этого окна, закрытого полотном, играли дети. Витя складывал конструктор, подаренный отцом, собирая из деталей робота и машинку, а Машенька – с пупсом. Иногда они играли вместе, то собирая конструктор, – и Витя обижался на сестрёнку за то, что она неумело соединяет детали, то в дочки-матери, где Маша раскладывала пластмассовую посуду, приговаривая Вите, чтобы он сел за стол с чистыми руками и после молитвы, а Витя, прикладывая руку ко рту, чтобы сестрёнка не видела, как он зеваёт, то смотрел на её проворные руки, то рассеянно оглядывался по сторонам в поисках какого-нибудь серьёзного дела.

По заданию мамы Витя обучал Машу на случай опасности. Он командовал и показывал, как ложиться на землю, как прикрывать голову, а младшая сестрёнка внимательно слушала, в точности повторяла все его действия.

– Камушек колит, – сказала Маша, отодвигаясь в сторону, садясь и вынимая камень. – Вот, смотри, – она протянула брату ладонь с каким-то сучком.

– И вовсе это не камень, – возразил ей Витя. – Всё... – он развел с сожалением руки. – Всё...

– Что всё?

– Ты убита. Это потому, что ты непослушная.

– А мама сказала, что я послушная, – возразила Маша, откладывая сучок, схожий с камнем, на землю, рядом с собой, и ложась на живот.

– Ну и что? Во-первых, тебя уже убили, а во-вторых... – он замолчал, потому что ещё не придумал – что во-вторых. – Можешь встать.

Но вместо этого сестрёнка заплакала, наклонив голову.

– Ты что, плачешь? Вот глупая, – сказал Витя.

– Я не плачу, это я так, играю, не по-настоящему, – она подняла голову и улыбнулась той чистой улыбкой, от которой взрослым невольно хочется улыбнуться в ответ.

Но на это Витя лишь пожал плечами и произнёс:

– Хм, сразу видно, что ты девчонка. Зачем ты плакала?

– Я не плакала, а... так, играла. Ты же сам сказал, что меня убили. А когда больно, то плачут. Я сама видела.

– Что ты видела? – недоверчиво спросил Витя.

– Как бабашка Нина плакала.

В этот момент где-то рядом послышались выстрелы и ужасающий свист. Штора в окне зашевелилась, появилась рука, быстро срывающая ткань, а за ней голова бабушки. Витя увидел, что её глаза были влажные, на лице испуг.

– Немедленно в хату! – закричала бабушка.

Дети направились бегом к двери. А старушка заметила на улице двух торопящихся женщин, сошедших с дороги, спешащих к деревьям, где бы они были в большей безопасности.

– Это зачистка? Где стреляют?! – закричала старушка, обращаясь к женщинам, стоящим возле дерева и раздумывающим: идти ли им дальше или переждать обстрел.

– Там, – одна из женщин указала рукой.

Вторая же женщина сказала:

– Да кто их разберёт, кажись, далеко, но что-то просвистело у нас над головами.

– Вчера вечером такая вот пуля

или осколок убил Соню, дочь Григория.

Старушка прижала ладонь ко рту, чтобы её крик не испугал детей, вошедших в комнату. Ведь час тому назад её дочь Наташа, мать Вити и Маши, отправилась к деду Григорию за лепёшками. Глаза старушки вмиг налились слезами, ноги подкосились, она задёрнула штору одним рывком и опустилась на пол, прижимая к груди внуков. Эта старая женщина сдерживала внутри себя боль и страх, не давая им вылиться наружу, чтобы не испугать детей. Она похоронила страдание внутри себя, как земля проглатывает снаряд, оставляя осколки в своём теле.

IV

Света не было во всём селе, видимо, один из снарядов повредил кабель. Вечерами мать зажигала свечу в доме, а когда свечи закончились, она достала керосиновую лампу, и они втроём лежали в кровати и читали. Сперва читал Витя, он водил пальчиком по строчкам букваря, а мама проверяла, потом читала она – детские стихи и сказки. Машенька пока ещё не умела читать, но буквы учила. Прижавшись к матери, она слушала сперва братика, а потом маму.

Обычно ночью было тихо, но в эту ночь Витя заметил какую-то тревожность в глазах матери. Когда на улице послышался лай собак, мать вдруг прекратила читать, обняла детей и с каким-то беспокойством посмотрела в сторону окна, потом затушила огонь в лампе и велела всем спать. Но Вите не спалось, в его детском сознании всё ещё остались видения, образы тех главных отважных героев детских рассказов, которые читала

ему мать. Ему чудились коварные разбойники в длинных плащах и смелые герои, вступавшие с ними в неравный бой, проплывали в его мыслях причудливые земли, по которым путешествовали эти герои. Из-за ярких впечатлений, которые разыгрались в его голове, мальчику не хотелось спать, и он представлял, что сам отправляется в плавание на красивом трёхмачтовом корабле вместе с главными героями к дальним, неведомым землям.

Представляя это, он также слышал тихое сопение сестрёнки, которая, вероятно, уже уснула, прижимаясь к матери. Дыхание матери он не слышал. «Наверное, она дышала тихо, как могут это делать лишь птицы», – подумал Витя. Но проверить, спит ли мать, он все же решил, тихонько, чтобы не разбудить сестрёнку, он спросил:

– Мам, ты спишь?

– Сплю, и ты спи, – шёпотом ответила мать.

– Мам, я... – он приподнялся в кровати, видя, что и мать сделала это. Их взгляды были направлены в сумрачный прямоугольник окна, где внизу был еле заметен косой серебристый лунный луч, падающий на край подоконника.

– Я что-то слышал, – тихо сказал Витя.

Наташа взяла его за руку и тревожно сжала её.

– Мам, ты что? Это наша Бася. Она вернулась.

– Бася не открывает калиток, – ответила, всё так же беспокойно, мать.

– Это человек? – спросил Витя, ни капли не волнуясь. – Тогда это бабушка.

– Она обещала рано утром прийти к нам. За бидоном, чтобы козьего молока налить.

Кто-то действительно ходил по двору, но настолько тихо, чтобы его не услышали соседские собаки, лай которых прекратился лишь перед рассветом.

С первыми косыми лучами солнца, пробившимися сквозь придорожную листву деревьев, в деревне запели птицы, и Витя уснул. Он не услышал, как встала мать, как она укрыла его и сестрёнку, накинула на себя халат и вышла на веранду. Провозившись там минут десять, она вышла из хаты, прихватив с собой ведро.

Детский сон был прерван оглушительными взрывами и одиночными выстрелами. Выстрелы, как показалось ещё сонному Вите, были где-то далеко, взрывы тоже, но один из них прогремел совсем близко, ему показалось, что он был у самого дома. Сперва он подумал, что это ему померещилось, потому что взрывы неожиданно прекратились. Как только он поднялся, видя, как рядом с ним на кровати сидит

Маша и плачет, он догадался, что страшные звуки были реальными. Дети просидели так ещё некоторое время, словно оглушённые неожиданным зловещим звуком.

– Не плачь! – твёрдо сказал Витя.

– Я хочу маму, – сказала Маша, продолжая тереть глаза.

– Я посмотрю, сиди здесь. Она, наверное, во дворе.

– Витя, я с тобой, – сказала Маша, прекращая плакать и выползая из-под одеяла.

– Нет, лучше... – он вспомнил о странных ночных шагах за окном.

Маша села на краю кровати и вновь начала тихонько хныкать, держа ладошки у глаз.

– Почему ты не слушаешь?

– Я не хочу быть одна, – пояснила Маша, не отнимая рук с лица.

Видя, что сестрёнка дрожит всем телом, Витя сдался.

– Ну ладно, идём, только тихо, поняла?

– Я всегда хожу тихо-тихо, – ответила Маша, слезая с кровати и надевая босоножки, её плачь мгновенно прекратился. – Как мышка, тихо.

– Хорошо, будь мышкой.

Но не успел Витя, держа сестрёнку за руку, открыть дверь на веранду, как встретился лицом к лицу с бабушкой. Веранда была вся в золотистых лучах утреннего солнца. Выйдя из полумрака на свет, ослепивший Витю, он почувствовал, как ему руку крепко сжимает сухая, но мягкая рука бабушки Нины. За мальчиком вышла на свет и Маша.

– Ба, я знала, что это ты! – воскликнула Маша, освобождаясь от руки брата и обнимая за ноги бабушку.

Старушка взяла на руки Машеньку, держа её одной рукой,

вторую она прижала к дрожащим губам. Витя заметил, что её глаза искрились в лучах солнца, словно в них была вода.

– Ты что, плачешь?.. – сказал он, поглаживая свою руку в том месте, где держала его бабушка.

– Так... стойте... – она посмотрела сперва на Машу, которая успела её поцеловать в левую щеку, потом на Витю. Мальчик заметил, что взгляд бабушки был какой-то рассеянный, словно она не знала, что делать; из глаз старушки упало несколько слезинок, она немного пошатывалась, как будто не могла решить что-то.

– Вы здесь... да, хорошо. Вы целы? – вдруг она опустила Машу на пол и стала её осматривать.

– Ба, со мной всё в порядке, – сказал Витя, глядя в слёзные глаза бабушки. – И с Машей тоже.

Убедившись, что с детьми ничего не произошло, она выпрямилась, посмотрела в беспокойстве кругом, будто бы что-то искала, потом приложила ладонь к вновь дрожащим губам и заплакала. Её рыдания были столь сильны, что тело содрогалось. Под силой горя, проникшего в грудь, её тело обмякло, ноги подкосились, и она опустилась на пол.

– Ба, садись на табуретку, вот, держи, – сказал Витя, пододвигая к ногам старушки низкую табуретку.

Маша молча, с изумлением, в оба больших карих глаза глядела на неожиданно ослабшую бабушку.

– Я знаю... знаю, что делать... – вдруг заговорила старушка, на миг прекратив плакать и пытаясь взять себя в руки, справиться с чувствами, взявшими над ней верх. Каким-то жалким, отрешённым взглядом сумасшедшей она смотрела на детей, держа ладонь у рта.

– Что она им сделала?! За что?! – вдруг какая-то внутренняя сила горя, наполнившая её старое сердце доверху, вылилась наружу, не оставляя ей шанса справиться с собой, удержать себя, подавить внутреннюю боль, которую переживала она.

Она тяжело дышала, слёзы лились ручьём, хотя она из последних сил старалась ладонями скрыть свою слабость от детей, глядевших на страдание взрослого невинным, чистым взглядом. Эта боль как-то передалась и Машеньке, и Витя увидел, как в её больших глазах засверкала влага, быстро наполняя их. Она подошла к бабушке, сморщила носик, искривила губки и прижалась личиком к её груди. Бабушка одной рукой обняла внучку, крепко прижимая её к себе. Не плакал лишь Витя, он всё размышлял над странным поведением бабушки. С этого момента он замкнулся в себе и стал молчаливым. Просьбы бабушки он выполнял с полуслова, но как-то странно водил глазами: то вверх, то в стороны, словно обдумывал что-то. Когда бабушка Нина, взяв Машу на руки, а Витю за руку, уводила к себе, Маша вдруг сказала:

– Там пупс, я не пойду без него.

– Я потом за ним схожу, – ответила бабушка, продолжая идти к калитке.

Маша заплакала.

– Ну, хорошо, – старушка остановилась, – Витя, ты знаешь, где её пупс?

Мальчик кивнул головой.

– Тогда быстро иди за ним и сразу обратно. Ты понял? – не успела она сказать это, как мальчик побежал к дому. Спустя минуточку он уже стоял у бабушки, держа в одной руке пупса, а в другой конструктор.

Жизнь детей изменилась, теперь они жили в доме у бабушки, часто спускались в подвал, где лежал толстый матрас, стояли низкий столик и одна табуретка. Питались они овощами, собранными бабушкой на огороде, когда не было обстрелов, а вернее, в перерывах между ними. По ночам они спускались в подвал, ужинали и спали, а днём поднимались в дом. Бабушка строго запрещала детям одним выходить из дома. Витя выходил в огород помогать старушке нести помидоры и огурцы. Однажды он наблюдал, как баба Нина доит козу, помогал поить её водой, которую бабушка набрала из колодца. Один раз она взяла детей с собой. Они побывали в доме старика Григория, где располагалась домашняя пекарня.

Дав детям ломтики тёплого, только приготовленного хлеба, Нина вела детей домой. По пути им повстречался какой-то незнакомый молодой человек, лет двадцати пяти. Он вежливо поздоровался, улыбнулся и спросил:

– Это село Никишино? – в его руке появилась маленькая камера.

– Да, – коротко ответила бабушка, не останавливаясь.

– Давайте я вам помогу, – предложил он.

– Нет, спасибо, я справлюсь, – недоверчиво ответила старушка.

Но молодой человек шёл рядом, всё поглядывая то на старушку, то на детей, улыбаясь последним.

Наконец бабушке это надоело, она остановилась и спросила:

– Что вам нужно от нас?

– Простите, я забыл представиться, я журналист.

Бабушка тревожно поглядела на него, не выпуская из рук сумку и не опуская на землю девочку.

Витя стоял рядом, сжимая в руках коробку с конструктором.

– Я хочу снять репортаж о жителях этого села, – пояснил молодой человек, – меня зовут Сергей.

– У нас мало времени.

– Я понимаю, – он включил камеру и навёл её на старушку. – Скажите, что здесь происходит?

– А разве вы не знаете?

Он не знал, что ответить, и поэтому задал другой вопрос:

– Как часто сюда долетают снаряды?

– Почти всегда.

– Это с той стороны, – он показал рукой, – где сепаратисты засели?

– Я не знаю, – вдруг утомлённо ответила старушка, опуская на землю сумку с лепёшками. – Стреляют со всех сторон.

– Как же вы тут выживаете?

– А вот так, живём в подвалах, без света, без денег, без защиты, без... – она вдруг замолчала.

Поняв, что от старушки он мало что добьётся, журналист присел и направил камеру на Витю.

– Расскажи, как тебе живётся? Тебе страшно?

Но мальчик молчал, глядя куда-то в сторону каким-то отрешённым взглядом. Журналист поднялся, дотронулся до руки девочки, сидевшей на руках бабушки, и спросил:

– Как тебя зовут?

– Маша, – ответила девочка.

– Машенька, расскажи о себе. Что ты делаешь, как живёшь? Что делают твои родители?

– Мама куда-то ушла, – ответила девочка.

Видя, что разговор не клеится, молодой человек спросил девочку:

– Что бы ты хотела?

– Не стреляйте больше. Я не хочу войны. Пусть люди не

ссорятся, и не будет войны никогда, никогда, никогда...

Бабушка прижала внучку, обрвав её слова, молча взяла сумку и ушла. Журналист ещё некоторое время стоял на дороге, сопровождая троицу растерянным взглядом.

По дороге домой бабушка вновь начала плакать, очевидно, что-то вспомнив. Мальчик шёл рядом, понурив голову. С тех пор, как он перешел жить к бабушке, он не сказал ни слова, и это тревожило старушку.

Вечером она показала мальчику тайник в огороде. Это была яма прямоугольной формы и двух метров глубины, укрытая сверху ржавыми металлическими листами. В яме была деревянная лестница, по которой можно было спуститься на дно. Пока Витя с интересом рассматривал тайник, а Маша играла с пупсом рядом, бабушка пояснила:

– Это на тот случай, если бомбы будут падать в огород и вы не успеете добежать к дому. Здесь можно спрятаться, понятно?

Мальчик молчал, трогая металлические листы и заглядывая в глубину чёрной ямы, словно не слыша слов бабушки.

Глядя на детей, старушка тихо заплакала. Она вспомнила, как в то трагическое утро, когда её раз-

будили выстрелы, а потом над домом угрожающе просвистели снаряды, она вскочила с кровати. Когда внезапно всё стихло, она молнией помчалась к дому дочери, где над огородом ещё виднелось серое облако от взрыва. Ещё пылинки земли не осели, как старушка стояла с широко открытыми от страха глазами и с тревогой всматривалась в поднятую пыль. Сердце тревожно забилось, желая выбраться наружу, когда её глаза рассмотрели в земле какое-то неясное перекручённое, изуродованное тело. Взрывом снаряда, приземлившегося в огороде, не долетевшего до цели, Наташе оторвало обе ноги, изуродовав остаток тела, словно по нему прошёл бульдозер. Лишь голова была нетронутой, рот был открыт, словно она хотела в последний миг жизни что-то сказать, предупредить, да не успела, глаза, чистые и ясные, глядели куда-то вдаль. Бабушка слабо помнила, о чём она думала, что делала. Её тело несколько раз падало, она упорно поднималась, покачиваясь, не зная, в какую сторону ей бежать. Когда она уже держала в руках внуков, то мысленно поклялась никому не рассказывать, как умерла её дочь, потому что не могла поверить, что человек может так страшно и внезапно умереть.

V

Если раньше в деревню снаряды залетали случайно, то теперь огонь вёлся сосредоточенно. Это было связано с тем, что в селе стали появляться разведчики, как с одной, так и с другой стороны. Они координировали огонь, следили за неприятелем, вели снайперский отстрел. Люди на улице стали появляться реже. Бывало,

пули свистели над селом, как металлический дождь: то в забор, то в ворота, то в дом, то в окно угодит. Разбитые стёкла заменялись тканью или досками, – у кого, что было. Теперь огонь вёлся как днём, так и ночью. Жители перебрались в подвалы, погреба.

Это произошло во второй половине дня. Солнце спряталось,

на небе, над селом нависали серые тучи, небрежно разбросав свои лохмотья, они становились всё тяжелее и темнее.

Обучаясь у бабушки, Витя уже самостоятельно мог доить козу — это было его любимым делом. Животное, допускало к себе мальчика, охотно пило из ведра воду, которую он приносил. Собрав молоко, Витя принёс бабушке бидон и поставил его на стол, гордясь тем, что сделал это самостоятельно.

— Вот молодец, — похвалила старушка. — Через полчаса сядете за стол.

В веранде появилась Маша, она держала пупса. Мальчик по-прежнему не разговаривал, и это сильно тревожило бабушку.

— Ба, можно погулять? — спросила Маша.

— Только во дворе, и так, чтоб я вас видела.

Витя показал Маше на помидор, лежащий на подоконнике, намекая ей о чём-то.

— Ба, а можно мы в огород пойдём? — спросила Маша, искоса поглядывая на брата.

— Зачем это вам по огороду ходить?

— За помидорами... — неуверенно ответила Маша.

Бабушка посмотрела в плетённую миску, где лежали две маленькие помидорки, три луковицы и головка чеснока.

— Ладно, соберите пару огурцов и помидоров.

Витя взял Машу за руку, и они отправились на огород. Мальчик ещё утром хотел показать сестрёнке яму, которую ему показала бабушка. Он отодвинул металлический лист, спустился первым, потом спустилась Маша. Витя тайком ходил сюда, каждый раз принося какие-то предметы. В ос-

новном это были игрушки: пластмассовые тарелки, старый ржавый чайник, отвёртка металлическая, корзина для мусора, альбом, карандаши, старая зимняя одежда, которая служила настилом. Луч света освещал лишь одну из стен ямы. Но глаза детей скоро привлекли к полусумраку, и они стали играть: девочка в дочки-матери, а мальчик что-то рисовал в альбоме. Из пяти карандашей, которые ему удалось тайком принести, два вышли из строя, сломавшись, один был чёрного цвета и два зелёного. Поэтому его рисунки получались преимущественно зелёного оттенка. Витя отложил альбом и стал нащупывать что-то под смятой в углу старой рубашкой. Отыскав, он вынул небольшую металлическую коробочку, где хранил гильзы и осколки каких-то снарядов и пуль. Все эти находки мальчик выложил на альбом, расставив каждый предмет перед собой, и стал внимательно рассматривать, водить пальцем по острым и закруглённым частям.

— Что это? — спросила Маша, увидев, как брат играет какими-то мелкими предметами.

Брат молчал, девочка отставила свою игру и придвинулась ближе к брату. В оба глаза, с интересом уставилась на гильзы.

Над их головами неожиданно послышался грохот, сперва дальний, потом близкий.

— Бам, бам, — испуганно произнесла Маша, глядя на брата большими глазами, в которых виднелась тревога.

Взрывы стали настолько близкими, что детям показалось, будто небеса обрушились на землю, и от этого падения она стала сотрясаться. В яму посыпалась земля, Маша прижалась к Вите, их стало

засыпать. Земля гудела, стонала, словно от жуткой боли, которую ей причинял смертоносный металл. От зловещего грохота дети оглохли, их тела, лежащие в обнимку на дне ямы, ощущали лишь сотрясение земли и чувствовали, как земля их укрывает, будто прятчет от адских взрывов.

Витя открыл глаза. Темнота кругом, он почувствовал какую-то тяжесть на лице, словно что-то сверху лежало. Страхнув и сбросив землю с лица, он увидел, как над ним сияет белый луч, и вмиг всё вспомнил. Он только не знал, сколько прошло времени, пока он лежал. Страхнув с себя землю и очистив от неё сестрёнку, он стал тормозить Машу. Девочка открыла глаза, села и заплакала.

– Не плачь, – вдруг заговорил Витя.

Он встал, подошёл к лестнице, поправил её и жестом подозвал сестрёнку. Когда дети выбрались на поверхность земли, то не узнали бабушкиного огорода. Земля была не просто перепахана, перемолота, она казалась выжженной, виднелись глубокие лунки от взрывов. Витя нашёл несколько осколков разорвавшихся снарядов.

Но это было не самым страшным. Дом, где жила бабушка, был полностью разрушен. Очевидно, один из снарядов системы «град» попал в дом. Витя ходил по обломкам, всматриваясь в щели, тёмные дыры. Неожиданно он обнаружил несколько деталей от своего конструктора, но не поднял их. Крышу дома разнесло на части, две стены были полностью разрушены, виднелись стены коридора и даже люк в подвал, но всё это было завалено обломками стен и крыши. Несмотря на сильные разрушения дома, сарай,

стоящий рядом, практически не пострадал, не считая с десятков дырочек в стене, проделанных осколками. Коза оказалась живой и невредимой.

– А там кисю убило, – сказала девочка, указывая куда-то в обломки дома.

Витя подобрал икону, которую взрывом вынесло во двор. Она оказалась целой. Мальчик покачал головой, глядя на разрушенный дом, словно размышлял. Девочка смотрела на брата и ждала его решения.

– Да, – всё так же качая головой, словно он нашёл выход и уже знал, что делать. – Да, козу мы трогать не будем. Они ведь не станут стрелять в наш дом снова, – он развёл руками. – Но её надо выгуливать, непременно надо. Да, выгуливать, – он посмотрел на сестрёнку взрослым, осозанным взглядом, как смотрит отец на дочь. Лица ребятшек казались серыми от прилипшей пыли.

– Нам ещё нужна вода, – он немного подумал, – без неё человек не может существовать, совсем не может.

Так маленький Витя стал главным в семье. Пока было затишье, он перенёс в яму, – где, он решил, было единственное безопасное место, – некоторые вещи, найденные на обломках дома. Что-то удалось отыскать на огороде: пару помидоров и огурцов.

– Я хочу лепёшку, – сказала Маша, раскладывая игрушечные тарелочки.

– Пойду завтра за ней.

– Я хочу тоже. Я не хочу быть одна.

– А если самолёт? Знаешь, какие они быстрые. И бомбу пустит? Что тогда?

Маша на это пожала плечами.

– Они пускают бомбу, а мы здесь... и что? Ничего, в нас не попадут, – он посмотрел вопросительно на Машу, ожидая от неё ответ или вопрос. – Что тогда?! Мы спрячемся, и всё. Поняла?

– Да, поняла, – девочка покачала головой в знак согласия, а потом неожиданно спросила:

– А где мама? Почему она не приходит? – видя, что братик разглядывает свой рисунок в альбоме, она добавила: – Бабушка сказала, что она ушла к богу. А я не хочу, чтобы она уходила.

Витя не обращал внимания на слова сестрёнки, он стал что-то рисовать в альбоме и так увлёкся рисунком, что совсем не заметил, как сестрёнка уснула, лёжа на боку и закутавшись в старые вещи, которые Витя отыскал в разрушенном доме. Отложив рисунок, он взял в руки отвёртку и стал ею проделывать в стене небольшую нишу, затем вложил в неё найденную икону Николая Чудотворца. Замолив её в стене, он стал на колени, как это делают глубоко верующие люди, и стал креститься, кланяясь иконе. Потом стал что-то говорить полусёпотом, чтобы не разбудить сестрёнку.

– Пусть больше не стреляют, пусть не будет войны... я знаю, что ты не он, но ты знаком с ним, ты его друг. Я прошу тебя, Николай, передай ему, чтобы люди больше не убивали никого. Чтобы они не трогали мою сестру... – он замолчал, как будто прислушивался – не подслушивают ли его, – я знаю, что ты сильный и всё можешь. Сделай так, чтобы мой отец вернулся. Он мне нужен. Но... я понимаю, что у отца много дел, и он не сможет быстро прийти... поэтому я прошу тебя, пусть этот зелёный робот, которого я нарисовал, ста-

нет живым. Это мне очень нужно. Он будет живым и тогда сможет нас защитить. Вот всё, что я прошу у тебя. Ты добрый, я знаю, для тебя это просто.

Солнце подходило к горизонту, его лучи уже не попадали в яму, и в ней становилось темно. Привыкшие к темноте глаза Вити всё ещё различали прямоугольную рамку иконки, но само изображение святого Николая он уже не видел. На ощупь он дополз до Маши и лёг рядом. Но уснуть он не мог, перед детскими глазами мальчика проходили страшные картины прошедшего дня. Он видел многочисленные обломки разрушений, видел вывернутый наизнанку дом бабушки, и... видел саму бабушку (о которой он ничего не рассказал младшей сестрёнке), вернее, он обнаружил в завале её руку. Предплечье было поднято вверх, словно бабушка пыталась вылезти, освободиться из-под тяжёлых балок крыши, её кисть безжизненно застыла, а на одном из пальцев виднелось несколько капель крови. Он хотел крикнуть, позвать бабушку, но тут же остановился, вспомнив, что где-то рядом стояла сестрёнка и могла всё увидеть. Он знал, что бабушка умерла, что больше не увидит её. Ему впервые стало по-настоящему страшно. Он вспомнил маму, вспомнил то злосчастное утро, когда его и сестру в спешке уводила обезумевшая от горя бабушка, вспомнил, как она с ужасом оглядывалась в сторону огорода, и понял, что они уже никогда не вернуться в этот дом и мама никогда к ним не вернется.

Не мог он уснуть и по другой причине, более коварной и опасной. Впервые за долгие дни и недели он не слышал ни одного

выстрела. Деревня с приходом темноты словно окунулась в какую-то зловещую тишину. Она была страшна тем, что неизвестно, что было от неё ожидать. При-

выкший к сумеркам и взрываю, он боялся тишины и света, ощущая в глубине сердца, что какой-то более зловещий ужас где-то крался во мраке ночи.

VI

Несмотря на летнюю пору, день был прохладным, дождь лил из чёрных туч, не переставая. И как Витя ни старался закрыть вход в яму, в неё всё равно стекала вода. Вечером внутри было очень сыро, вещи промокли, и находиться там было невозможно. Маша дрожала, не выпуская пупса из рук. Витя решил покинуть убежище и переночевать в доме. Под покровом сумерек и дождавшись затишья, они вдвоём дошли до дома, где когда-то жили. Но дом оказался полуразрушенным, одна из стен комнаты, где когда-то они спали, где были их кровати, была разбита. Мальчик проник в комнату через дыру в стене, отыскал плед. Укрывшись пледом от прохладного дождя, они покинули родной двор и стали бродить по селу в поисках жилища, где можно было спрятаться от холода. Долго им бродить не пришлось: через два двора стоял почти не тронутый старый дом. Внутри никого не было, видимо, хозяева покинули его или погибли. Витя и Маша расположились в одной из двух комнат – в самой маленькой. Здесь было уютно, хоть и очень просто. Старая печка, видимо, уже давно не работала, дверцы в ней не было, внутри была пустота, не было даже золы. Очевидно, хозяева в ней хранили какие-то вещи, потому что стены внутри печки казались довольно гладкими и чистыми.

Дети улеглись в кровати – единственной мебели в этой комнате, не считая пустого деревянно-

го ящика в углу, который, видимо, служил бывшим хозяевам стулом. На подоконнике стоял кувшин, а на стене висела картина, на которой было изображено пшеничное поле, с нависшими над ним хмурыми тучами.

Утомлённые, полуголодные дети быстро заснули. Но не прошло и двух часов, как Витю разбудил какой-то грохот и дребезжание. Окна сотрясались и тревожно барабанили в деревянной раме. Мальчику спросонья показалось, что весь старый дом угрожающе трещит и воет, словно хочет о чём-то предупредить.

Маша крепко спала. Витя не стал её будить, он вскочил на ноги, подкрался к окну, осторожно выглянул. Его полусонный, беспокорный взгляд искал в темноте среди ночных призраков предмет тревоги. Так стоял он у окна, держась за подоконник и высунув голову наполовину, чтоб одни глаза могли видеть. Ему показалось, что он так стоит довольно долго. Время увеличивает страх, но сокращает жизнь. Неожиданно ужасный гул за окном прекратился. И некоторое время была тишина. Витя посмотрел в сторону кровати, где спала сестренка, там было спокойно, он даже услышал её тихое сопение и стал успокаиваться. Но его сердце по-прежнему тревожно билось. Это и удерживало его у окна. Он повернулся к окну и тут неожиданно увидел во мраке несколько крошечных огоньков. Они, словно ночные

светлячки, – одиноко блуждали в темноте.

Вдруг мрак и покой разрезали выстрелы, слышались ответные выстрелы из автоматов. Где-то на улице шёл бой, который оказался непродолжительным. Всё вновь стихло, замерло и спряталось в ночи.

Витя вновь увидел огоньки. На этот раз они были крупнее, очевидно, приближались. И вдруг безобидные огоньки превратились в пламя, огонь, словно из пасти невидимого чудовища, вылетел наружу, превратившись в устрашающую адскую струю, которая била по соседскому дому. Языки пламени облизывали стены и крышу, струя удлинилась до десяти метров и угрожающе стала извиваться в темноте, словно огненная змея. Дом вспыхнул, всё кругом осветилось, свет даже проник в комнату, где скрывался Витя. Какой-то устрашающий гул зловеще раздавался в темноте. Мальчик от страха присел, обернувшись к кровати. Жёлтый свет на мгновение осветил кровать. Маши там не было. Витя нашёл перепуганную сестрёнку под кроватью. На войне дети быстро учатся: как и где прятаться. Они оба лежали под кроватью, прижавшись друг к другу.

Прозвучал ужасающий выстрел, за этим последовал взрыв, и всё вновь осветилось. Очевидно, пушка, из которой стреляли, была расположена совсем близко. Потом всё вновь начало дребезжать и стонать. Теперь Витя отчётливо услышал за окном движение металлических гусениц. Что-то огромное, тяжёлое и зловещее проползало мимо их дома. За окном слышался треск, вероятно, это сломался под натиском неведомого ночного чудовища забор и

ворота, которые перемололо под собой жуткое чудовище.

Потом монстр утих, несколько раз устрашающе фыркнув. Наступила тишина, но вскоре Витя отчётливо услышал человеческие голоса. Это были мужские голоса, грубые, с отборным матом. Он услышал шаги за окном, совсем близко.

– Витя, Витя, – тихонько сказала девочка, – там дяди...

Мальчик прикрыл ей рот ладонью. Осторожно вылез из-под кровати, держа сестрёнку за руку. Девочка молча последовала за братом. Пригибаясь, он подкрался к старой печке и влез внутрь вместе с сестрой. Так они сидели некоторое время, пока не услышали грубые мужские голоса внутри дома, шаги приближались. Судя по осторожным шагам, военные что-то или кого-то искали. В комнате появился белый луч, он судорожно бегал по всем углам, заглядывая под кровать. Дети затаили дыхание. Маша не сводила испуганных глаз с Вити, ища в нём защиту.

– Здесь чисто, – раздался грубый мужской голос совсем рядом от детей.

– У меня тоже, – слышался из глубины дома ответ.

Свет погас, но вскоре вновь появился. Мужчина прошёл мимо печи так, что Витя даже увидел солдатские сапоги. Чтобы девочка не испугалась, он прикрыл ей глаза ладонью.

Мужчина подошёл к окну, что-то взял с подоконника, потом бросил находку на пол, слышался треск разбившейся вазы.

– Что это?! – слышался голос из глубины дома. Солдаты что-то искали.

– Так, ерунда, кувшин из глины, – ответил мужчина из комнаты.

Он отошёл от окна и подошёл к стене, постоял некоторое время, вероятно, раздумывал. Потом что-то взял и тут же бросил на кровать.

– Ерунда одна, надо идти в богатые дома, – сказал мужчина, выходя из комнаты. – А что у тебя?

– Тоже ничего.

Голоса удалились, шаги затихли, но дети всё ещё сидели, не шелохнувшись, сдерживая дыхание, опасаясь, что солдаты не ушли.

– Этого кончили, на крыше, падло, сидел, – неожиданно раздался голос за окном.

Спустя полчаса земля затрещала, дом заскрипел, и железный монстр медленно пополз прочь. Грубые мужские голоса тоже исчезли. Витя не спешил выходить, он хотел убедиться в том, что в доме и во дворе никого не было. Так он просидел около часа. Убедившись, что за окном было спокойно, он хотел было вылезти из печи, но вдруг почувствовал – по ослабшей руке сестрички, что она заснула. Мальчик сидел, облокотившись на стену, вытянул затёкшие ноги и стал тоже засыпать. Девочка склонила голову на его плечо, в руке у неё был пупс, с которым она не расставалась даже в минуты опасности, словно он был живой.

Утром дети вышли из хаты. Забор был сломан, раздавлен, металлические ворота сложены пополам. «Кто же это мог сделать?» – подумал Витя. На сырой земле, мягкой от вчерашнего дождя, виднелись глубокие следы от гусениц. Девочка тоже с интересом рассматривала эти причудливые отметены на сырой земле.

– Тхактох, – сказала девочка, глядя в задумчивые глаза брата.

– Нет, это не трактор, – уверенно, по-деловому ответил Витя. –

Это танк, да танк с пушкой, такой огромной.

– А где он?

– Уехал, пойдём, – он быстро встал, взял сестру за руку и повёл её за собой, беспокойно озираясь по сторонам.

– Я хочу есть, – сказала Маша.

Мальчик остановился, его желудок стонал от голода весь вечер и всю ночь. Вчера он нашёл мало еды и всю её отдал сестрёнке, сам довольствовался лишь остатками воды, найденными в пластмассовой бутылке на подоконнике соседского дома.

На огороде они ничего не нашли и вернулись на развалины бабушкиного дома, где стоял невредимый сарай. Но козы там не оказалось. Не было её и в огороде.

– Так, нам надо пойти далеко, – размышляя как взрослый, сказал Витя, почёсывая лоб.

– Далеко, далеко?

– Да, прилично. К деду Григорию, – пояснил мальчик. – Там хлеб есть всегда, так говорила мама.

– А когда она вернётся? Я есть хочу.

– Скоро, – ответил Витя, – идём.

Он взял сестрёнку за левую руку, – в правой она держала пупса, изрядно потёршегося, со слипшимися пучками волос, – и повёл её за собой.

– Скоро... – сказала девочка, послушно следуя за старшим братом, – скоро я тебя накормлю, – сказала она, прижав пупса к груди.

Пробирались они огородами, прячась от устрашающих выстрелов под деревьями и в высокой траве. По дороге они встречали вишнёвые и абрикосовые деревья, с ещё зелёными плодами, чуть тронутыми жёлто-красным цветом.

Несколько таких полужелтых плодов они сорвали и, не удержавшись, съели. Так, то прячась, то вновь шагая, пригибаясь, никем не замеченные, они добрались до дома, где жил семидесятидвухлетний старик Григорий, пекарь и уважаемый старейшина села. Когда-то он был председателем колхоза, а уйдя на заслуженный отдых, занялся пекарным делом вместе со своей дочерью.

Двор Григория казался пустым. Дети вошли внутрь. Там одна из комнат была оборудована под пекарню. На столе, где виднелись следы муки, они обнаружили противень, а на нём сырое тесто, разрезанное по форме лепёшек. Очевидно, его собирались вложить в духовку. На плите в миске лежало несколько холодных лепёшек. Печь была выключена, но дверь в ней приоткрыта, словно пекарь собирался разжечь её. Хозяина нигде не было видно.

Оставив сестрёнку за столом, где она принялась за лепёшку, не забывая отламывать маленькие ломтики для пупса, Витя вышел во двор. Он не хотел без спроса брать лепёшки и потому решил найти старика. В огороде его тоже не оказалось. Несколько кур расхаживали по двору, собаки не было видно, будка пуста. За домом, между стеной и забором, Григорий имел небольшой сад, где выращивал виноград и малину. Он часто бывал в своём маленьком саду, где любил по вечерам сидеть на лавке, поставленной у самой стены.

Витя осторожно вошёл в этот сад, укрытый сверху пышной зеленью деревьев, а по периметру – кустами малины. Ещё из-за угла он заметил босые ноги старика, рядом валялись босоножки. Григорий сидел на своём любимом

месте – на лавке, спиной облокотившись о стену. Казалось, что его тело утомилось и отдыхает. Рядом лежала трость. Мальчик не сразу понял, что произошло с Григорием. Лишь когда подошёл к нему ближе, до него дошло, что чего-то не хватало. Не хватало головы. Дед Григорий был мёртв, холодное тело, с красной запёкшейся от огня кожей на шее, спокойно замерло, словно старик спал. Витя не стал искать голову, которую, очевидно, срезало каким-то осколком от взрыва, когда старик отдыхал на лавке в перерыве работы.

Мальчик издал тихий, какой-то внутренний крик, вылетевший из его груди лишь малой частью, и попятился назад, не сводя с тела несчастного свои большие глаза, наполненные ужасом. Сердце тревожно забило, он бросился за угол, влетел в хату, в комнату, где сидела Маша, спокойно уплетая холодную, но вкусную лепёшку, взял сестрёнку за руку и молча вывел её наружу. Девочка едва успела схватить пупса. Маша ещё жевала последний кусочек лепёшки, когда по глазам брата она прочитала какую-то опасность, с которой тот столкнулся.

– Нам нельзя здесь, – едва вымолвил Витя. – Бежим!

И девочка, хоть и не успела насытить голодный желудок, последовала за ним. Бредя по опустевшим огородам, они отыскивали овощи, которые тут же и съели. В одном из дворов они обнаружили колодец. Открыть его Витя не смог, там висел замок, но в ведре он обнаружил питьевую воду. Утолив жажду, дети отправились к дому. Дверь оказалась также запертой. Забор сломан. И тут Маша увидела на земле отпечаток гусеницы.

– Тхактох, – сказала девочка, указывая на длинный след.

След вёл на соседний участок. Мальчик взял сестрёнку за руку, велел ей пригнуться. Они подошли к сломанному забору, за которым в поле увидели сгоревший танк, от которого отлетела верхняя часть вместе с дулом пушки. Витя с беспокоеством посмотрел по сторонам. Людей не было. Они подошли к танку, вернее, к тому, что осталось от него.

– Ну и громадина! – сказала девочка, прижимая пупса обеими руками к груди.

– Это же танк! Он должен быть огромным и сильным, – пояснил мальчик.

От танка еще чувствовалась гарь. Он взобрался на сгоревший металл и сверху посмотрел на сестрёнку. Она показалась ему такой маленькой, такой слабой и беззащитной, что он не мог отвести от её взгляда глаза.

– Давай за мной, – сказал Витя, махнув сестре рукой.

– А если он поедет? – испуганно посмотрела она на него.

– Нет, не поедет, – твёрдо сказал Витя. – У него не работает гусеница. Я видел. А без неё даже танк не будет ехать.

Девочка вздохнула и стала рассматривать огромные колёса с поломанной на них гусеницей.

Витя подошёл к дыре в танке, к тому месту, где ещё вчера была верхняя часть танка с пушкой, и заглянула вовнутрь. Там было темно. Ничего не разглядел и, не решившись спуститься внутрь, откуда жутко воняло порохом и гарью, он слез с железной машины.

Витя взял Машу за руку и решительно повёл её прочь от танка. Не сделали они и полсотни шагов, как вдруг Витя остановился. Его

взгляд был прикован к металлической проволоке, протянутой от куста к дереву. Казалось, что это какой-то фермер сделал удобное для вьющихся растений приспособление, но Витю все же это смутило.

Девочка стояла молча в ожидании решения брата. Мальчик оставил сестрёнку, велел ей оставаться на месте, а сам подошёл к проволоке. Удивило его это потому, что проволока была натянута не в огороде, а на узенькой тропинке между огородами двух участков. Он уже собирался потянуть за проволоку, чтобы освободить от неё тропу, как вдруг заметил в кусте небольшую палку, торчащую вертикально, словно ствол маленького дерева. Пройдя вдоль проволоки, он дошёл до дерева и там, к своему удивлению, обнаружил какой-то зелёный, продолговатый металлический предмет с кольцом у основания. К тому кольцу и была привязана проволока.

Витя не знал, что это, но догадался, что это было установлено солдатами, а значит, могло быть опасным.

Он вернулся к сестре, спокойно ждавшей брата, и увёл её подальше от этого места. Сменив маршрут, дети пошли по огороду, не имея под собой тропинки и не зная, куда они идут.

Обратно возвращаться в сырую, затопленную водой яму Вите не хотелось. На развалинах дома он увидел тело какой-то молодой женщины, а неподалёку лежал голый младенец в памперсе. Девочка не увидела труп женщины, ей мешала горизонтальная перегородка в ограде, но младенца она увидела лишь мельком. И тут же сказала об этом брату, спешившему уйти от этого места подальше.

– Я там видела пупса. Давай возьмём его с собой. Он там совсем голый.

– Нет, нам некогда, – решительно ответил Витя и потянул сестрёнку прочь. – У тебя уже есть пупс.

– Его кто-то потерял, наверное, какая-нибудь девочка. Я думаю, она найдёт его, – сказала Маша, говоря это больше себе, чем брату.

За чередой стройных, высоких деревьев, вдоль которых тянулась земляная проторенная дорожка, лежала футбольная игровая площадка, а за ней стояло двухэтажное бурое кирпичное здание сельской школы. Куда в этом году должен был пойти Витя в первый класс.

На школьной площадке и у самой школы валялись гильзы, осколки снарядов впившихся в землю. Здание было заброшенным, изрядно побитым, словно служило для кого-то мишенью для игр. Ступеньки на крыльце разломаны, дверь открыта, замок сорван, многие окна разбиты, стены с трещинами от попаданий снарядов, с многочисленными дырочками от пуль.

Спортзал был пуст, в потолке сияло голубое небо, а сквозь прямоугольные потрескавшиеся рамы с выбитыми стёклами косые лучи солнца проникали внутрь зала, выглядевшего столь убого, столь грустно, что невольно в грудь проникла царапающая сердце печаль. Стены были выщерблены мелкими дырочками, на полу виднелись разрушения – вода, проникающая сквозь дыру в потолке, превратила пол в трухлявые доски.

– Такая большая комната, – сказала девочка, глядя на высокие стены.

– Это спортивный зал, – пояс-

нил мальчик. – Здесь можно играть в мяч, как на улице.

Девочка увидела у выхода из зала коробочку. Подошла к ней, присела, переложила пупса в левую руку и вынула из коробочки мелки. Витя наблюдал за ней молча, потом попросил у сестрёнки один мелок. Она дала ему зелёный. Он подошёл к одной из стен, где было меньше разрушений, и стал что-то рисовать. Девочка положила найденные мелки в карман кофты и стала наблюдать за братом. Через время, когда юный художник окончил, на белой стене появился робот зелёного цвета, его ладони были сжаты в кулаки. Несмотря на устрашающую позу этого железного зеленоватого робота, он показался девочке добрым.

– Я уже видела его, – сказала Маша, стоя позади брата.

– Где это ты его видела? – удивился Витя.

– В твоём альбоме. Он такой же, как тот, что был из конструктора. Только зелёный и добрый.

– И вовсе он не добрый, – возразил мальчик. – Он солдат, а солдаты должны быть грозными. Если они будут мирными, то падут, прямо в бою, бам! И всё, поняла?

– Да, – ответила Маша. – Но он улыбается...

– И вовсе не улыбается, – Витя отошёл от стены и стал рядом с сестрой, чтобы лучше рассмотреть зелёного человечка. – Он живой, – задумавшись, сказал Витя. – Он спасёт нас.

– И маму тоже?

Витя посмотрел на Машу как-то странно. Это смутило её, и она опустила голову.

– Конечно, и маму, – уверенно ответил мальчик.

– А как он ходить будет, ведь он стоит здесь? – спросила девочка,

робко поглядывая снизу на рисунок.

– Он здесь, потому что мы здесь, – пояснил Витя, – он сейчас охраняет нас – тебя и меня.

– А когда мы уйдём, где он будет?

– Он появится там, где мы будем. Он всюду, понимаешь, всюду будет с нами. И везде нас будет охранять.

– И ночью тоже? – сказала Маша, поглаживая пупса.

– Конечно, и ночью тоже. У него же есть специальные глаза, которые видят в темноте.

– А почему он зелёный? Может, я дам тебе красный и синий мелки, и ты нарисуешь...

– Нет, он же воин, а воины должны быть зелёные. Так их трудно заметить врагу. Понимаешь? – и тут же добавил: – Ты ещё маленькая, чтобы это понять. Вот папа придёт, он тебе расскажет,

какие воины есть.

Их разговор был прерван прерывистым блеяньем животного. Выбежав из школы, они увидели козу, бродившую на школьной площадке. Это была не их коза, но когда Витя поймал её, а потом привязал к столбу и стал доить, то она не сопротивлялась. Молоко он собрал в металлическую кружку, которую девочка нашла на подоконнике в одном из кабинетов школы. Покормив сестру, мальчик стал собирать в кружку вторую порцию молока. Девочка тем временем играла на школьной площадке, собирая осколки снарядов. Делала она это для брата, вспомнив, как он выкладывал когда-то перед ней найденные им гильзы и осколки, которые хранил в чёрной коробочке – той самой, которую забыл в яме, где они когда-то жили и прятались от обстрелов.

VII

– Ты зачем его прижимаешь к себе? – спросил мальчик, глядя на сестру, держащую пупса на руках, сидя в глубоком кресле.

– Так делала мама, – пояснила девочка. – Я видела.

– Что ты видела?

– У неё здесь есть маленькие сосочки, – она показала на свою грудь. – А в них молочко.

– Как у козы?

– Да, как у козы.

– Хм, – произнёс Витя, пожав плечами, словно ему это неинтересно.

Он вынул из кармана зелёный мелок, подошёл к стене и на обоях стал рисовать робота, такого же самого, которого он нарисовал в школьном зале.

Дом, в который им удалось войти через разбитую дверь, был

пустым. На веранде, где располагалась кухня, они обнаружили остатки еды, оставленные хозяевами дома. Закончив рисунок, мальчик вышел во двор, где солнце уже спустилось за горизонт, уступая место длинным теням, ползущим от деревьев. Найдя в сарае продолговатый таз, он вернулся в комнату, тарабаня железом по деревянному полу.

Маша вопросительно смотрела на брата.

– Это для тебя.

– Я не хочу купаться.

– Глупая, это не для купания.

Он сделан из металла, а значит, прочный. Он защитит тебя, – потом, почесав затылок, он добавил: – Ты будешь спать в нём.

Дети жили в своём маленьком мире, из которого им, подобно

двум рыбкам, брошенным в банку, невозможно было выбраться своими силами. В то же время, Витю и Машу окружал огромный мир, о котором они знали лишь по находкам в селе и силовым волнам, проявляющимся то сильно, то слабо, то куда-то уходившим, словно свирепый и голодный медведь от спячки. Витя не записывал время обстрелов, не знал расписание атак одной или другой стороны, он ведь был семилетним мальчиком, которому даже не позволили ходить в первый класс. Но в изоляции, подобно живому организму, попавшему в пустыню, где царствуют жестокие законы выживания, в нём пробудились силы, способные чувствовать опасность, они и спасали обоих детей от смертельной угрозы.

По деревне и днём и ночью, и в туман и в дождь бродили разведчики, информирующие своё руководство о дислокации противника; снайперы, без жалости отстреливающие противника, как в тире; вооружённые до зубов группы зачистки, реагирующие с молниеносной скоростью стрекозы на всё, что двигалось в их поле зрения. Война была настолько жестокой, что порой сперва открывали огонь, а потом наблюдали, что произошло или кого убрали, отослав ещё одну душу в иной мир. Всё чаще Витя задумывался: а есть ли Бог, есть ли этот другой мир, где тишина и покой, где нет войны, бомбёжек, смерти и боли, где он с сестрой мог бы жить без страха? Иногда он разговаривал с самим собой – это были мысли вслух. Он наблюдал за жизнью села, прячась от его обитателей, которыми были солдаты, убивающие друг друга, говорившие на одном языке, жившие на одной земле. Он не понимал и

не задумывался о причинах братоубийственной войны, ведь он был всего лишь маленьким мальчиком. Но он понял, что большой мир изменился, а жизнь в нем стала настолько адской и зловещей, что обратно он уже никогда не вернётся. Испачкаться кровью можно, а вот вернуть её погибшему человеку невозможно. Пролить кровь легче, чем её собрать.

Сестрёнка во всём доверяла брату, зная, что он её защитит. Она уже привыкла к его болтовне с самим собой и просто молча наблюдала, слушала, как телевизор или радио. Но в ожидании, когда он скажет, что нужно делать, куда идти, что их ожидает. Он был их мозгом и командиром. Слушая брата, девочка всем своим детским сердцем поверила, что зелёный человечек существует, и он действительно их спасает и защищает, ведь они до сих пор были не замечены солдатами и не тронуты пулями и снарядами, хотя большая половина жителей села сгинула от случайных попаданий.

Когда наступало затишье и дети могли погулять во дворе, никем не замеченные, Маша играла с пупсом, собирая для брата части разорвавшихся снарядов. Мальчик сперва делал из них причудливое сооружение, как из растерянного конструктора, но потом, посоветовавшись с зелёным человечком, которого он рисовал повсюду, где они с Машей бывали или останавливались, решил находки или трофеи отдавать зелёному роботу. Так, в различных заброшенных или разрушенных дворах, на заборах, на стенах домов появлялись рисунки с изображением зелёного робота, а рядом с рисунком стройным рядом, но в уродливых формах стояли собранные девочкой

и выстроенные в линию осколки снарядов.

Мальчик верил в то, что придумал, в то, что родилось в его детском сознании. Война породила в нём защитника, который оберегал их обоих. Иногда Вите казалось, что зелёный робот – это есть он сам. Конечно, он понимал, что он не может справиться с разрушительной силой «градов», точных снайперских выстрелов или пулемётных обстрелов, но он позволил своему воображению, своей детской фантазии создать этот образ зелёного робота. Он также понимал, что, несмотря на железные ладони, сжатые в кулаки, зелёный робот – всего лишь рисунок, но он верил всем своим сердцем, что настоящий зелёный робот видит его работы и набирает силу. А через рисунки он появляется в тех местах, где они изображены. Зелёный робот, по мнению Вити, невидим взрослым людям, невидим для войны, невредим для снарядов и пуль, потому что он прибыл из другого мира, где нет войны, из мира более могущественного, неизмеримо большего, чем тот, который окружал их. Этот мир не знает страха и боли и поэтому он непобедим для солдат.

Размышления Вити коснулись и смерти. Он не знал, что это. Но понимал, исходя из собственных наблюдений за её действиями. Смерть, по мнению или выводам этого семилетнего мальчика, способна людей обездвигивать. Уродство, которое в себе и с собой несёт смерть, безобразно лишь в этом мире, мире людей. Смерть обездвигивает и уродует тела, где проходит, до чего касается. Но в другом мире, откуда пришёл зелёный робот, эти тела появляются в прекрасной форме: изящные,

лёгкие и стройные, как разноцветные бабочки. Зелёный робот – его герой, не прогонял смерть, так как она живёт здесь, она живёт на войне, питаясь страхом и болью людей, но он отправлял их обезображенные и неподвижные тела в прекрасный мир, откуда он сам появился, где они превращались в тонких, изящных существ, схожих с легкими бабочками.

В одном из дворов, у входа в пустой сарай, Витя увидел необычный предмет. Это была зелёная круглая металлическая коробочка с чёрным крестом, пересекающим коробочку. Она нужна была мальчику для сбора осколков. Но в этот раз, когда он на двери сарая изобразил зелёного робота, что-то остановило его. Он лишь искоса поглядел на зелёную коробочку с чёрным крестом и, не тронув её, пошёл в дом, где его ждала Маша.

Девочка сидела на полу, вокруг неё валялась груда платьев, юбок, сарафанов, блузок, в общем, всё, что было внутри шкафа. Одно из платьев, – оно почти подходило ей по размеру, – ей очень понравилось. Оно было ослепительно белого цвета, с причудливыми кружевами на манжетах и воротнике, оно напоминало девочке свадебное платье мамы, которая ни разу не надела его, но частенько прилаживала его на себя, любуясь отражением в зеркале.

Пока Витя рисовал робота на стене одной из комнат, девочка примерила платье. Оно было на неё немного великовато, но не падало с плеч. Она приподняла полы его, укоротив платье, закрепив булавками. Потом позвала брата и попросила его соединить на спине разрез, скрепив стороны булавками. Среди вещей Витя нашёл два больших белых банта и предложил

сестре надеть их. С бантами было сложнее, потому что никто из детей не знал, как их прикрепить к волосам. Но сообразительность мальчика и терпение девочки помогли справиться с этим нелёгким заданием.

Занимаясь платьем, девочка совсем позабыла о пупсе, которого она оставила во дворе, когда собирала осколки снарядов для брата. Она, то крутилась перед зеркалом, любуясь отражением, то прикрепляла к платью какую-то вещицу, найденную в ящике письменного стола. А с наступлением сумерек к ней пришла усталость, и девочка уснула, довольная, что ей шло это платье, что она в нём выглядела как маленькая принцесса, как её мама, похожая на невесту. Вите, накрывшему сестрёнку пледом, показалось, что на её губах всё ещё хранится робкая улыбка, чистая и невинная, лёгкая, как первый весенний ветерок, тонкая и изящная, как капелька летнего дождя.

Завершив все меры безопасности, — мальчик закрыл сестру со всех сторон, соорудив барьер из вещей, найденных в доме, — он улёгся неподалёку, на вещах, вынутых из шкафа.

Ночь была тихой, ночные птицы перекликались в темноте, а сверчки состязались в долгих и громких голосах, гармонично сочетающихся с покоем и тьмой. Лишь одинокая луна, окружённая бледным мерцанием мириад далёких звёзд, молчаливо застыла над спящим селом, укрывая его серебряной вуалью.

Дети спали на редкость крепко. И даже когда в час ночи тишина была прервана гимном, стон которого, покинув мощные динамики, направленные одной из воющих сторон в сторону села, где

скрывался неприятель, волнами стал проникать во дворы, огибая крыши домов, дети продолжали сладко спать, пребывая в сказочном мире их детской фантазии. Как только мелодия гимна завершилась, динамики закашляли, захрипели и вновь пустили в эфир ночи мелодию гимна, ещё более громкого и, казалось, продолжительного. Так восемь раз звучала эта мелодия, нарушая гармонию ночи.

Витя проснулся рано утром, когда на село обрушилось с десятков бомб. «Град» жестоко и без жалости сравнивал с землей всё, что поднималось вверх, возвышалось, что гордо тянулось к солнцу. Дома складывались, как картонные домики; деревья разламывались и с треском — последним выдохом их жизни, со стоном — их предсмертным криком, падали на землю мёртвые.

Испуганный и тревожный взгляд мальчика заметался по комнате, чьи стены гудели и трещали от взрывов, в поисках сестрёнки. Её нигде не было видно: ни под стулом, ни в шкафу, ни за занавеской. Он прополз на четвереньках в другую комнату, но и там её не обнаружил. Тогда его осенила страшная догадка: она не в доме.

Когда упал и разорвался последний снаряд, утихая где-то в центре села, Витя выполз из дома, поднялся на ноги, которые испытывали от волнения за сестру мелкую дрожь, и стал громко звать её. Так истошно, нервно он кричал с полминуты, пытаясь разглядеть среди обломков строений, ещё вчера мирно стоящих во дворе, свою сестру. Её нигде не было видно, она не отзывалась. Надежда найти её живой не покидала мальчика ни на миг. Он перерыл,

пересмотрел все уголки, все тайные, скрытые места, заглянул во все глубины разломанных, изуродованных строений. Маши нигде не было. Лишь спустя час тяжёлых, томительных поисков, выйдя за разломанную взрывом ограду, он обнаружил её бездыханное тело в кустах крыжовника, растущего у дороги.

Девочка лежала на боку, в своём белом платье, с одним бантом – другой она потеряла во время обстрела, когда, спасаясь от неожиданной бомбёжки, она искала забытого ею вчера пупса. Очевидно, девочка проснулась ещё до обстрела, вспомнив об оставленной во дворе кукле, и вышла в поисках. Огонь застал её во дворе. Пупса рядом не было. Её нежное бледно-розовое личико было навечно изуродовано кровавыми чёрно-синими порезами, сделанными в её нежном теле осколками снарядов, начертивших на этом хрупком полотне зловещие узоры смерти.

Весь день и до глубокой ночи Витя просидел у маленького гробика, сооружённого им самим. Он перенёс тело сестры во двор, потом перетащил металлический тазик, в котором часто она засыпала и который оберегал её ночью. Нашёл пупса, практически не пострадавшего от взрыва, но валявшегося в самой лунке, проделанной взрывом. Очевидно, девочка всё же успела отыскать пупса раньше, чем её настигла смерть. Она спасла пупса, с которым никогда не расставалась, не считая последней ночи, когда позабыла его во дворе, но не уберегла себя.

Он вырыл небольшую ямку, куда с трудом поместился тазик; положил в эту металлическую колыбель тело сестрёнки, не забыв о пупсе, которого так любила Маша,

– пупс лежал рядом с девочкой, у её руки.

Глядя на её бледное лицо, он подумал, что сестра не умерла, а лишь крепко заснула, сохраняя на своих маленьких губках тонкую, едва уловимую улыбку. Видимо, в последний миг своей жизни она была счастлива, что нашла и спасла своего любимого пупса, во рту которого была крошечная резиновая соска. Он смочил платок, найденный среди вещей в доме, водой и смыл с её бледного личика засохшую кровь. Остались лишь чёрно-синие порезы. Второй бант он обнаружил в комнате, где она спала. Прикрепив к её волосам бант, он поцеловал её в лобик, как это когда-то делал отец перед сном каждый вечер, потом поцеловал в щёчку, как это делала мать, когда наступало утро и она пробуждала детей тёплым и нежным поцелуем любви. После этого прощания он укрыл её тело пледом, как делал это каждый вечер с тех пор, как они остались одни.

Ниже приведены строки семилетнего мальчика, которые он написал в последнем письме своему отцу, ушедшему на войну. Они были написаны дрожащей рукой ребёнка, перед тем, как он твёрдо решил, что утром он подойдёт к сараю и возьмёт ту зелёную коробочку с чёрным крестом в центре. Откуда было ему знать, что эту коробочку военные, установившие смертоносное оружие, которое нельзя взять и невозможно обезвредить, называют «чёрной вдовой». Вот строки этого последнего письма:

«Пап, когда ты будешь на войне, я тебя очень прошу, не стреляй никогда, никогда, никогда. А если кто-то тебя не послушает и будет стрелять, ты Расскажи ему о

зелёном роботе. Скажи ему, что зелёный робот всё видит и слышит, и ни один его выстрел не спрячется от зелёного робота. Скажи ему, что я всё о нём знаю, потому что мой зелёный робот есть везде: на стенах домов, на заборах, он есть в каждом дворе. И все его бомбы и пули, которые он посылает, мой зелёный робот видит, потому что я их вместе с Машей нашёл и положил перед ним. А ещё, робот

мне сказал, что его мир, где он родился, очень большой, в нём все поместятся, его не надо делить и спорить из-за него.

Р.С. Папа, возвращаясь скорей, я очень, очень скучаю по тебе, и мне страшно».

Это были последние строки сына отцу, Степану Егорову. Мальчик погиб от «Чёрной вдовы», разорвавшей его тело на части, ранним летним утром.

VIII

Человек, созданный богом и природой, был идеальным. Он обладал сильным, красивым, гибким телом, изящными органами чувств, способными воспринимать прекрасный мир, который был также создан богом и который был подарен человеку для его земной жизни, для утех и радости его, приносящих создателю истинное наслаждение изобретателя и творца, наблюдающего за своим творением, как мать за новорожденным. Но стоило человеку оказаться на свободе, вести самостоятельную жизнь и размножиться, как появились зловещие изменения в его поведении.

– Ты лучшее из моих творений, – сказал создатель пришедшему к нему человеку. – Но зачем ты пришёл? Я ведь подарил тебе землю – лучшее, что у меня было для тебя.

– Я хочу признаться, – стыдливо и виновато сказал человек, опуская глаза.

– В чём?

– Я убил, – робко сказал человек.

– Кого?

– Я убил ангела, которого ты послал ко мне. Я не разобрал, что это был ангел.

– Скажи мне, ты знаешь, кто

ты? – спросил создатель.

– Я не знаю, кто я, – тихо ответил человек.

– Когда не разбираешься в себе, можешь убить и ангела, – спокойно ответил создатель. – Расскажи мне, как это произошло.

– Сила была повсюду... – неуверенно начал человек, – окружая и сжимая между собой мягкое, податливое пространство жизни... огонь вытеснял и поедал кислород – твоё дыхание; холодный лёд безжалостно сжимал воду – твою кровь; сухая сморщенная смерть высасывала с наслаждением все соки начала жизни – твою душу, которой ты поделился с нами... – человек замолчал, понуро опустив голову.

– Мои ангелы, которых я послал на землю, всегда опускаются в ад, когда сильнейшие из вас видят лишь себя. Это закон движения.

– Кто его создал? – спросил человек, подняв голову и вопросительно, умоляюще посмотрев на своего создателя.

– Я, – спокойно ответил создатель.

– Кто же тогда виновен в гибели ангелов? – осторожно спросил человек.

– Ты.